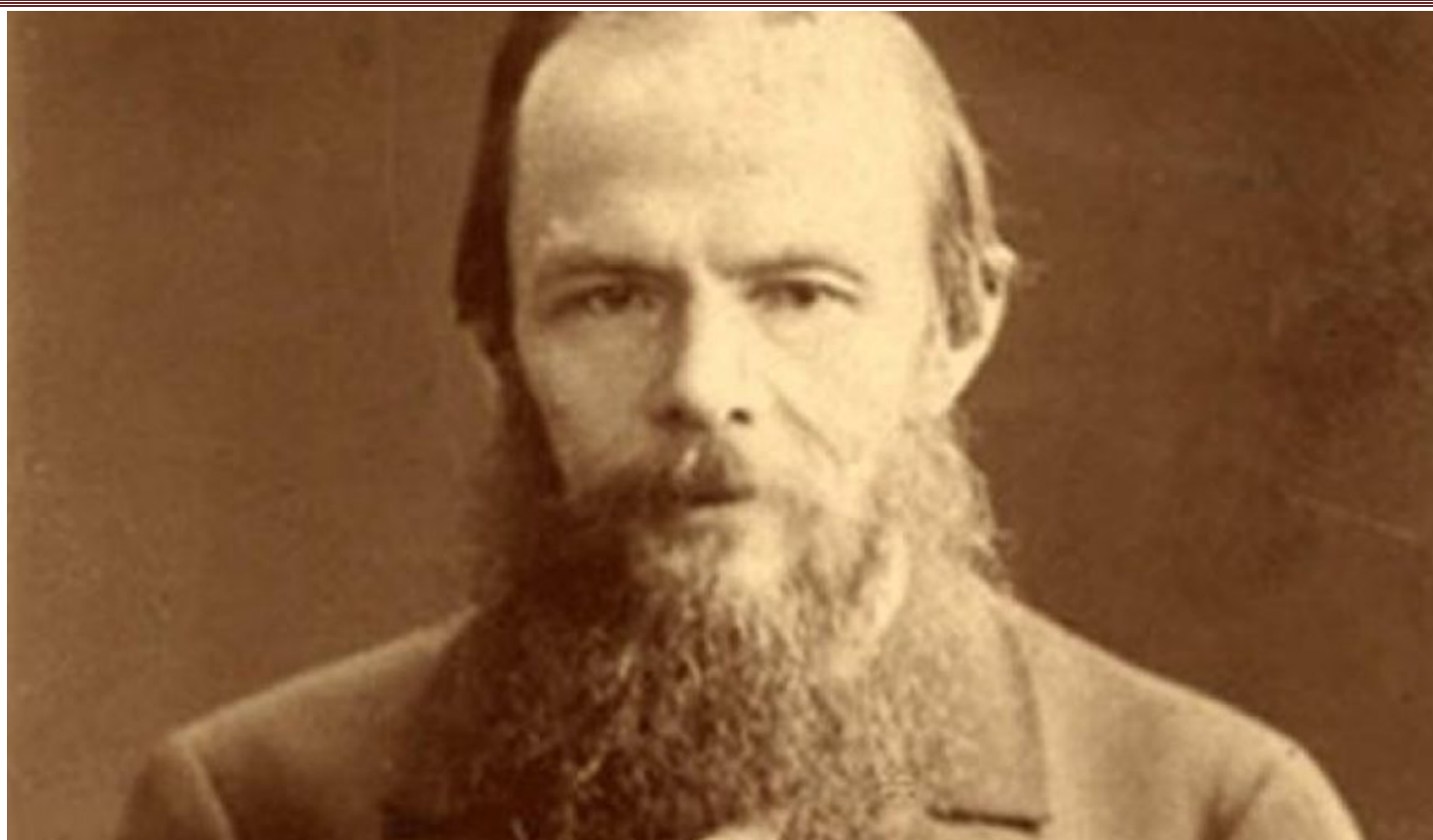

Самые известные цитаты из произведений Достоевского.

Фёдор Михайлович Достоевский (11 ноября 1821 – 9 февраля 1881 гг.) — один из самых значительных и известных в мире русских писателей и мыслителей, творчество которого знают и изучают на уроках литературы во всем мире.

Фёдор Михайлович Достоевский был гениальным исследователем человеческой натуры, самым глубоко нравственным писателем, настоящим «психологом пера». Он — писатель, у которого получилось проникнуть в самые потаённые глубины души человека. Его влияние на развитие литературы всего мира и духовное развития человечества в целом трудно переоценить.

Мы выбрали наиболее известные, горькие, мудрые и вдохновляющие цитаты Фёдора Михайловича, которые дадут вам пищу для размышлений.

«Бедные люди»

1846

«Бедные люди» — первый роман Фёдора Михайловича Достоевского, начат им в 1844 году и после многочисленных переделок закончен в мае 1845 года. Написан по типу эпистолярного романа.

В январе 1846 года роман «Бедные люди» увидел свет в альманахе Некрасова «Петербургский сборник»: так читатели впервые познакомились с творчеством Достоевского. Книга простая - и болезненная в своей простоте. Книга, из которой наряду с «Шинелью» Гоголя вышла «вечная тема» всей российской литературы - тема «маленького человека», раздавленного безжалостной

силой бытия. «Бедные люди» - книга, которую, читают однажды - а потом перечитывают всю жизнь...

Иногда и поклон лишний и унижение изъясляешь, не от чего иного как от припадка доброты душевной и от излишней мягкости сердца.

И нет впечатления в теперешней жизни моей, приятного ль, тяжёлого, грустного, которое бы не напоминало мне чего-нибудь подобного же в прошедшем моем, и чаще всего моё детство.

Когда мне грустно, так я рада болтать, хоть об чём-нибудь. Это лекарство: тотчас легче сделается, а особливо, если выскажешь всё, что лежит на сердце.

Как-то лучше там, где привыкнешь: хоть и с горем пополам живёшь, а всё-таки лучше.

Говорят, что раскаяние облегчает душу, — напротив.

... Случается же так, что живешь, а не знаешь, что под боком там у тебя книжка есть, где вся-то жизнь твоя как по пальцам разложена. Да и что самому прежде невдогад было, так вот здесь, как начнешь читать в такой книжке, так сам все помаленьку и припомнишь, и разыщешь, и разгадаешь.

Ах, друг мой! несчастье — заразительная болезнь. Несчастливым и бедным нужно сторониться друг от друга, чтоб еще более не заразиться.

Какой у вас странный характер, Макар Алексеевич! Вы уж слишком сильно все принимаете к сердцу; от этого вы всегда будете несчастнейшим человеком.

Будьте благородным человеком, твердым в несчастиях; помните, что бедность не порок.

До унижения какого доводит людей нищета!

Все-таки приятно от времени до времени себе справедливость воздать.

Ходят люди, да некогда им. Сердца у них каменные; слова их жестокие.

Добрые дела не остаются без награды, и добродетель всегда будет увенчана венцом справедливости божией, рано ли, поздно ли.

Бедные люди капризны, — это уж так от природы устроено.

«Белые ночи»

1848

Лирическая исповедь героя-мечтателя, раскрывающая сложный процесс воспитания чувств и тончайшую «музыку» души.

Я создаю в мечтах целые романы. О, вы меня не знаете!

Однако, как радость и счастье делают человека прекрасным!

Знаете ли, что мне пришло теперь в голову? Я вас обоих сравнила. Зачем он — не вы? Зачем он не такой, как вы? Он хуже вас, хоть я и люблю его больше вас.

Так, когда мы несчастны, мы сильнее чувствуем несчастье других; чувство не разбивается, а сосредотачивается...

И мы не знали, что говорить, мы смеялись, мы плакали, мы говорили тысячи слов без связки и мысли; мы то ходили по тротуару, то вдруг возвращались назад и пускались переходить через улицу; потом останавливались, и опять переходили на набережную; мы были как дети.

«Униженные и оскорблённые»

1861

Роман «Униженные и оскорблённые» (1861) создавался Ф. М. Достоевским в эпоху необычайного подъема русской общественной жизни, — в эпоху, когда публикация нового литературного произведения воспринималась как событие социально значимое. Так было воспринято и появление романа «Униженные и оскорблённые». После его выхода в свет Н. А. Добролюбов отвел Достоевскому самое почетное место в «гуманистическом» направлении русской литературы: «В забитом, потерянном, обезличенном человеке он отыскивает и показывает нам живые, никогда не заглушимые стремления и потребности человеческой природы, вынимает в самой глубине души запятанный протест личности против внешнего, насильственного давления и представляет его на наш суд и сочувствие». Многие в этом романе читателям казались необычным: перед ними была поставлена новая этико-социальная проблема — проблема эгоизма. Князь Валковский, разворачивающий на страницах романа свою циническую «философию жизни», стал первым в творчестве писателя героем-идеологом, предшественником Человека из подполья, Раскольникова, Свидригайлова и других героев Достоевского 1860-1870-х гг.

...в женском характере есть такая черта, что если, например, женщина в чем виновата, то скорей она согласится потом, впоследствии, загладить свою вину тысячью ласк, чем в настоящую минуту, во время самой очевидной улики в проступке, сознаться в нем и попросить прощения.

Я заметил, что в тесной квартире даже и мыслям тесно.

У женщины, например, бывает иногда потребность чувствовать себя несчастною, обиженною, хотя бы не было ни обид, ни несчастий.

Ведь так всегда бывает, что вот если сначала человек не понравится, то уж это признак, что он непременно понравится потом.

— Умен он, как вы думаете? — спросила Катя.

— Нет, я так его, просто люблю.

Великодушное сердце может полюбить из жалости.

Говорят, сытый голодного не разумеет; а я, Ваня, прибавлю, что и голодный голодного не всегда поймет.

«Записки из подполья»

1864

«Записки из подполья» — повесть Достоевского, изданная в 1864 году. Повествование ведется от лица бывшего чиновника, который проживает в Петербурге. «Записки из подполья» — увертюра Достоевского к его великому пятикнижию; в повести нашли свое выражение великие прозрения художника-мыслителя; здесь впервые в русской литературе сформулированы основы философии экзистенциализма. «Записки из подполья» — повесть точно поставленных вопросов и точно найденных интонаций. Боль пронизывает слово героя, оно бьется в стремительных перепадах его настроений, в бесконечных волнениях, в тягостных переживаниях и в неразрешимых тупиках.

... Но что же делать, если прямое и единственное назначение всякого умного человека есть болтовня, то есть умышленное пересыпание из пустого в порожнее.

О чем может говорить порядочный человек с наибольшим удовольствием? Ответ: о себе.

Если бы мне предложили выбирать, всему миру провалиться, или мне чай пить, я бы ответил, что лучше всему миру провалиться, а мне чтобы чай пить.

Я злился на себя, но, разумеется, достаться должно было ей.

Есть в воспоминаниях всякого человека такие вещи, которые он открывает не всем, а разве только друзьям.

Есть и такие, которые он и друзьям не откроет, а разве только себе самому, да и то под секретом.

Но есть, наконец, и такие, которые даже и себе человек открывать боится, и таких вещей у всякого порядочного человека довольно-таки накопится.

То есть даже так: чем более он порядочный человек, тем более у него их есть.

Разве сознающий человек может сколько-нибудь себя уважать?

Самый отъявленный подлец может быть совершенно и даже возвышенно честен в душе, в то же время нисколько не переставая быть подлецом.

Страдание — да ведь это единственная причина сознания.

И почему вы так твердо, так торжественно уверены, что только одно нормальное и положительное, — одним словом, только одно благоденствие человеку выгодно? Не ошибается ли разум то в выгодах? Ведь, может быть, человек любит не одно благоденствие? Может быть, он ровно настолько же любит страдание? Может быть, страдание то ему ровно настолько же и выгодно, как благоденствие? А человек иногда ужасно любит страдание, до страсти, и это факт. Тут уж и со всемирной историей справиться нечего; спросите себя самого, если только вы человек и хоть скольконибудь жили. Что же касается до моего личного мнения, то любить только одно благоденствие даже как то и неприлично. Хорошо ли, дурно ли, но разломать иногда чтонибудь тоже очень приятно.

А в самом деле: вот я теперь уж от себя задаю один праздный вопрос: что лучше — дешевое ли счастье или возвышенные страдания? Ну-ка, что лучше?

Чем больше я сознавал о добре и о всем этом «прекрасном и высоком», тем глубже я и опускался в мою тину и тем способнее был совершенно завязнуть в ней.

Я даже думаю, что самое лучшее определение человека — это существо на двух ногах и неблагодарное.

Все непосредственные люди и деятели потому и деятельны, что они тупы и ограничены.

Не только очень много сознания, но даже и всякое сознание болезнь.

Уничтожьте мои желания, сотрите мои идеалы, покажите мне что-нибудь лучше, и я за вами пойду.

И что такое смягчает в нас цивилизация? Цивилизация вырабатывает в человеке только многосторонность ощущений и... решительно ничего больше.

Замечали ли вы, что самые утонченные кровопроливцы почти сплошь были самые цивилизованные господа <...> По крайней мере, от цивилизации человек стал если не более кровожаден, то уже, наверно, хуже, гаже кровожаден, чем прежде.

«Преступление и наказание»

1866

Гениальный роман, главные темы которого: преступление и наказание, жертвенность и любовь, свобода и гордость человека — обрамлены почти детективным сюжетом.

Ко всему-то подлец-человек привыкает!

В страдании есть идея.

Заведется у вас страданище — вы с ним как курица с яйцом носитесь!

Наука же говорит: возлюби, прежде всех, одного себя, ибо все на свете на личном интересе основано.

С одной логикой нельзя через натуру перескочить! Логика предугадает три случая, а их миллион!

Вранье всегда простить можно; вранье дело милое, потому что к правде ведет.

Во всем есть черта, за которую перейти опасно; ибо, раз переступив, воротиться назад невозможно.

Тварь ли я дрожащая или право имею...

Станьте солнцем, вас все и увидят.

Власть дается только тому, кто посмеет наклониться и взять ее.

Нет ничего в мире труднее прямодушия и нет ничего легче лести.

При неудаче все кажется глупо!

«Игрок»

1866

Произведение жесткое до жестокости, нервное до неровности и искреннее — уже до душевной обнаженности. Это — своеобразная «история обыкновенного безумия» глазами Достоевского. История азарта, ставшего для человека уже не смыслом игры и даже не смыслом жизни, но — единственной, экзистенциальной сутью бытия. И это — возможно, единственная «автобиографическая» книга Достоевского.

Но ведь удовольствие всегда полезно, а дикая, беспредельная власть — хоть над мухой — ведь это тоже своего рода наслаждение. Человек деспот от природы и любит быть мучителем.

При всяком положении можно поставить себя с достоинством.

— Скажите, вы не намерены бросить игру?

— О, черт с ней! Тотчас же брошу, только бы...

— Только бы теперь отыграться? Так я и думал.

Вы мне ненавистны, — именно тем, что я так много вам позволила, и еще ненавистнее тем, что так мне нужны. Но покамест вы мне нужны — мне надо вас беречь.

И еще раз теперь я задал себе вопрос: люблю ли я её? И еще раз не сумел на него ответить, то есть, лучше сказать, я опять, в сотый раз, ответил себе, что я её ненавижу. Да, она мне ненавистна. Бывали минуты (а именно каждый раз при конце наших разговоров), что я отдал бы полжизни, чтоб задушить её! Клянусь, если б возможно было медленно погрузить в её грудь острый нож, то я, мне кажется, схватился бы за него с наслаждением. А между тем, клянусь всем, что есть святого, если бы на Шлангенберге, на модном пуанте, она действительно сказала мне: “бросьтесь вниз”, то я бы тотчас же бросился, и даже с наслаждением. Я знал это.

«Идиот»

1868

Роман, в котором творческие принципы Достоевского воплощаются в полной мере, а удивительное владение сюжетом достигает подлинного расцвета. Яркая и почти болезненно талантливая история несчастного князя Мышкина, неистового Парфена Рогожина и отчаявшейся Настасьи Филипповны, много раз экранизированная и поставленная на сцене, и сейчас завораживает читателя...

Пройдите мимо нас и простите нам наше счастье!

Трус тот, кто боится и бежит; а кто боится и не бежит, тот еще не трус.

Можно ли любить всех, всех людей, всех своих ближних? Конечно: нет, и даже неестественно. В отвлеченной любви к человечеству любишь почти всегда одного себя.

Вы краснеете, это черта прекрасного сердца.

Я пришел вас предупредить: мне денег займы не давать, потому что я непременно буду просить.

...не люблю быть со взрослыми, с людьми, с большими, не люблю потому, что не умею. Что бы они не говорили со мной, как бы добры ко мне ни были, все-таки с ними мне всегда тяжело почему-то, и я ужасно рад, когда могу уйти поскорее к своим товарищам, а товарищи мои всегда были дети.

Нет ничего обиднее человеку нашего времени и племени, как сказать ему, что он не оригинален, слаб характером, без особенных талантов и человек обыкновенный.

Вечную жизнь я допускаю и, может быть, всегда допускал. Пусть зажжено сознание волею высшей силы, пусть оно оглянулось на мир и сказало: "я есмь!", и пусть ему вдруг предписано этою высшею силой уничтожиться, потому что там так для чего-то, - и даже без объяснения для чего, - это надо, пусть, я все это допускаю, но опять-таки вечный вопрос: для чего при этом понадобилось смирение мое? Неужто нельзя меня просто съесть, не требуя от меня похвал тому, что меня съело?

Ограниченному "обыкновенному" человеку нет, например, ничего легче, как вообразить себя человеком необыкновенным и оригинальным и усладиться тем без всяких колебаний.

Что ложью началось, то ложью и должно было кончиться; это закон природы.

Дело в жизни, в одной жизни, – в открывании ее, непрерывном и вечном, а совсем не в открытии!

Знаете, я не понимаю, как можно проходить мимо дерева и не быть счастливым, что видишь его? Говорить с человеком и не быть счастливым, что любишь его!

«Вечный муж»

1870

О том, что люди не меняются. Несмотря ни на какие обстоятельства, переживания, горе, несмотря ни на какие потери и приобретения в жизни. В душе человека может происходить огромная внутренняя работа, он может клясться себе, что навсегда преобразится, учтёт уроки судьбы. Но как только давление спадает, оказывается, что человек остался, каким и был. Как всегда, гениальное произведение Достоевского!

Согласитесь, что это сильная болезнь века, когда не знаешь, кого уважать, – не правда ли?

Не всегда же в самом деле страдать воспоминаниями; можно отдохнуть и погулять — в антрактах.

И что-то как будто начинало шевелиться в его воспоминаниях, как какое-нибудь известное, но вдруг почему-то забытое слово, которое из всех сил стараешься припомнить: знаешь его очень хорошо — и знаешь про то, что именно оно означает, около того ходишь; но вот никак не хочет слово припомниться, как ни бейся над ним!

«Бесы»

1871-1872

Одно из наиболее трагических и сложных в идейно-философском отношении произведений писателя. Благодаря историческому опыту XX века роман, искусственно истолкованный ранее как политический памфлет, во многом получил новое прочтение.

Если хочешь победить весь мир, победи себя.

Все они, от неуменья вести дело, ужасно любят обвинять в шпионстве.

В чужой беде всегда есть нечто нам приятное.

Вам обидно и вы злитесь - вот вам разгадка вашего поколения.

В русском барстве есть нечто чрезвычайно быстро изнашивающееся, во всех отношениях.

В смутное время колебания или перехода всегда и везде появляются разные людишки

Мне счастье невыгодно, потому что я немедленно лезу прощать всех врагов моих...

Вся свобода будет тогда, когда будет все равно, жить или не жить.

...в сущности наше учение есть отрицание чести, и что откровенным правом на бесчестье всего легче человека за собой увлечь можно.

«Подросток»

1875

Книга, в которой основная тема творчества великого Достоевского — тема судьбы человека, психологически и духовно не укладывающегося в привычные рамки, — обрамлена запутанным сюжетом, достойным классического «романа тайн». Книга не просто гениальная, но еще и бесконечно глубокая.

Я знаю все, но не знаю ничего хорошего.

— Друг мой, вспомни, что молчать хорошо, безопасно и красиво.

— Красиво?

— Конечно. Молчание всегда красиво, а молчаливый всегда красивее говорящего.

Они не глупее других и не умнее; они — помешанные, как все.

Я перечел теперь то, что сейчас написал, и вижу, что я гораздо умнее написанного. Как это так выходит, что у человека умного высказанное им гораздо глупее того, что в нем остается?

Пусть я не достигну ничего, пусть расчет неверен, пусть лопну и провалюсь, все равно — я иду. Иду потому, что так хочу.

Ваша мысль, хотя бы и дурная, пока при вас, - всегда глубже, а на словах - смешнее и бесчестнее.

Тайное сознание могущества нестерпимо приятнее явного господства.

Да, я сумрачен, я беспрерывно закрываюсь. Я часто желаю выйти из общества. Я, может быть, и буду делать добро людям, но часто не вижу ни малейшей причины им делать добро. И совсем люди не так прекрасны, чтобы об них так заботиться.

В том-то и "идея" моя, в том-то и сила ее, что деньги - это единственный путь, который приводит на первое место даже ничтожество.

Милая, я тебя мучаю и замучаю, и мне не жалко, пока ты передо мной; а ведь умри ты, и я знаю, что уморю себя казнью.

«Братья Карамазовы»

1879-1880

Самый сложный, самый многоуровневый и неоднозначный из романов Достоевского, который критики считали то «интеллектуальным детективом», то «ранним постмодернизмом». «Братья Карамазовы» — последний роман Федора Михайловича Достоевского, произведение, где наиболее полно воплотились темы, разрабатываемые писателем на протяжении всего его творчества. Рассказывая о грехе и злодействе, покаянии и милосердии, автор поднимает главный вопрос — о вечной борьбе светлого и тёмного начал в человеческой душе, о борьбе Божественного и дьявольского. Русский философ Владимир Соловьев писал, что Достоевский, пытаясь разгадать тайну человека, «верил в бесконечную силу человеческой души, торжествующую над всяким внешним насилием и над всяким внутренним падением». Этические и нравственные проблемы, поднятые в «Братьях Карамазовых», одном из самых глубоких сочинений мировой литературы, оказали огромное влияние на развитие философской мысли в истории XX века. Роман стал предметом многочисленных интерпретаций: на его основе сочиняли оперы, балеты и даже мюзиклы, а экранизации осуществлялись едва ли не сначала появления кинематографа и до наших дней, охватывая Россию, Европу, Америку и Японию.

Он, правда, мне ничего не сделал, но зато я сделал ему одну бессовестнейшую пакость, и только что сделал, тотчас же за то и возненавидел его.

Но влюбиться не значит любить. Влюбиться можно и ненавидя.

...человек ищет не столько бога, сколько чудес.

... Любовь деятельная сравнительно с любовью мечтательною есть дело жестокое и устрашающее.

Нет, широк человек, слишком даже широк, я бы сузил.

Воистину всякий перед всеми за всех и за все виноват.

Дать взаймы — значит поссориться.

...если дьявол не существует и, стало быть, создал его человек, то создал он его по своему образу и подобию.

Ведь коли Бог есть, существует, - ну, конечно, я тогда виноват и отвечу...

Родивший не есть еще отец, а отец есть — родивший и заслуживший.

В чужой руке ломоть всегда больше кажется.

Ведь обидеться иногда очень приятно, не так ли? И ведь знает человек, что никто не обидел его, а что он сам себе обиду навывдумал и налгал для красоты, сам преувеличил, чтобы картину создать, к слову привязался и из горошинки сделал гору, знает сам это, а все-таки самый первый обижается, обижается до приятности, до ощущения большого удовольствия, а тем самым доходит и до вражды истинной.

- "Покажите вы, - он пишет, - русскому школьнику карту звёздного неба, о которой он до тех пор не имел никакого понятия, и он завтра же возвратит вам эту карту исправленною". Никаких знаний и беззаветное самомнение - вот что хотел сказать немец про русского школьника.

- Ах, да ведь это совершенно верно! - захохотал вдруг Коля, - верниссимо, точь-в-точь!

Слушай: если все должны страдать, чтобы страданием купить вечную гармонию, то при чем тут дети, скажи мне пожалуйста? Совсем непонятно, для чего должны были страдать и они, и зачем им покупать страданиями гармонию?.. слишком дорого оценили гармонию, не по карману нашему вовсе столько платить за вход. А потому свой билет на вход спешу вернуть обратно. И если только я честный человек, то обязан вернуть его как можно заранее. Это и делаю. Не бога я не принимаю, Алеша, я только билет ему почтительнейше возвращаю.

Знай, дурак, что здесь мы все от легкомыслия лишь не веруем, потому что нам некогда: во-первых, дела одолели, а во-вторых, времени бог мало дал, всего во дню определил только двадцать четыре часа, так что некогда и выспаться, не только покаяться.

О, мы непосредственны, мы зло и добро в удивительнейшем смешении, мы любители просвещения и Шиллера, и в то же время мы бушуем по трактирам и вырываем у

пьянчужек, собутыльников наших, бородёнки. О, и мы бываем хороши и прекрасны, но только тогда, когда нам самим хорошо и прекрасно.

- Я думаю, что все должны прежде всего на свете жизнь полюбить.
- Жизнь полюбить больше, чем смысл её?
- Непременно так, полюбить прежде логики, как ты говоришь, непременно, чтобы прежде логики, и тогда только я и смысл пойму.

Если бы на земле было всё благоразумно, то ничего бы и не произошло.

Овладевает свободой людей лишь тот, кто успокоит их совесть.

Не злой вы человек, а исковерканный.

Что уму представляется позором, то сердцу сплошь красотой.

Любовь мечтательная жаждет подвига скорого, быстро удовлетворимого и чтобы все на него глядели. Тут действительно доходит до того, что даже и жизнь отдают, только бы не продлилось долго, а поскорей совершилось, как бы на сцене, и чтобы все глядели и хвалили.

Ибо для счастья созданы люди, и кто вполне счастлив, тот прямо удостоен сказать себе: "Я выполнил завет божий на сей земле".

Кто ступил на нижнюю ступеньку, тот все равно непременно вступит и на верхнюю.

Кажется, вся беда его характера заключалась в том, что думал он о себе несколько выше, чем позволяли его истинные достоинства

Ощущение низости падения так же необходимо этим разнузданным, безудержным натурам, как и ощущение высшего благородства.

Есть минуты, когда люди любят преступление.

Чтобы полюбить человека, надо чтобы тот спрятался, а чуть лишь покажет лицо своё - пропала любовь.

Красота — это страшная и ужасная вещь! Страшная, потому что неопределимая, а определить нельзя потому, что Бог загадал одни загадки.

Нет ничего обольстительнее для человека как свобода его совести, но нет ничего и мучительнее.

- В последний раз и решительно: есть бог или нет? Я в последний раз!
- И в последний раз нет.
- Кто же смеётся над людьми, Иван?
- Чёрт, должно быть, - усмехнулся Иван Федорович.
- А чёрт есть?
- Нет, и чёрта нет.

Социализм есть не только рабочий вопрос, или так-называемого четвертого сословия, но по преимуществу есть атеистический вопрос, вопрос современного воплощения атеизма, вопрос Вавилонской башни, строящейся именно без Бога, не для достижения небес с земли, а для сведения небес на землю.

— ...Представь, что это ты сам возводишь здание судьбы человеческой с целью в финале осчастливить людей, дать им наконец мир и покой, но для этого необходимо и неминуемо предстояло бы замучить всего лишь одно только крохотное созданище, вот того самого ребеночка, бившего себя кулачком в грудь и на неотомщенных слезках его основать это здание, согласился ли бы ты быть архитектором на этих условиях, скажи и не лги!

— Нет, не согласился бы, — тихо проговорил Алеша.

— И можешь ли ты допустить идею, что люди, для которых ты строишь, согласились бы сами принять свое счастье на неоправданной крови маленького замученного, а приняв, остаться навеки счастливыми?

— Нет, не могу допустить.

Нет, господа присяжные, у тех Гамлеты, а у нас еще пока Карамазовы!